

ПРАСЛАВЯНСКОЕ НАСЛЕДИЕ И ДРЕВНЕРУССКИЕ ПРЕТЕРИТЫ

«...даже историк литературы должен быть грамматистом»; «...грамматическое учение о формах логически предшествует всему остальному» [Бюлер 2000: 29].

Грамматические формы глагола, как никакие другие, насыщены дискурсивно-прагматическими функциями, определяя событийную и смысловую динамику в текстах. Грамматика глагола ментальна и концептуальна, так как обеспечивает выражение разного рода отношений между обозначениями различных сущностей. Глагольная грамматика тесно связана с дихотомией «речь» и «нарратив», с субъективностью и оценкой информации. Характер глагольных форм соотносится с типом текста.

Восточнославянские формы претеритов, будучи неспрягаемыми, противостоят инославянским, наиболее ярко отразив тенденцию к генерализации функционально-семантически наиболее сложной формы — перфекта. В древнерусских оригинальных источниках не было форм простого аориста и сигматического аориста (см. ниже), а значит, в сохранении других простых претеритов можно не сомневаться.

Праславянская система претеритов структурно наследует индоевропейский прототип, хотя фактическим индоевропейским архаизмом в ней является лишь аорист — асигматический и сигматический. Ведущую роль в дальнейшей трансформации претеритальной системы сыграло развитие новых форм имперфекта и перфекта, которое обусловило становление категорий аспектуальности и эвиденциальности.

Славянский имперфект и категория вида

Обращают на себя внимание существенные расхождения между славянской и балтийской системами претеритальных форм. Схождение имеет довольно узкий участок в виде совпадения претеритных основ

Олег Феофанович Жолобов,
Казанский (Приволжский) федеральный университет (Казань)

Исследование выполнено при поддержке РФФИ (проект 15-04-00283).

на *ā и *ē, к тому же оно не замыкается на балтийских и славянских языках, а вписывается в индоевропейский контекст (см. [Семереньи 1980: 277]). Сигматический аорист в древнеславянских языках является индоевропейским архаизмом. Тип основ сигматического аориста «был на поздней стадии существования индоевропейского праязыка самым продуктивным. Во многих языках еще в доисторический период он был слит в единую систему с перфектом, например в кельтских и в латинском. Однако самостоятельным он остался в индоиранских языках, греческом и славянских» [Семереньи 1980: 300].

Вместе с тем в древнеславянских языках уцелел и ряд форм индоевропейского имперфекта, которые после претеритального удвоения в праславянском и образования нового суффиксального имперфекта влились в систему аористных форм, лишив ее однозначной аспектуальной прикрепленности. Имперфектное происхождение имеет архаичный аорист **бъ** < *bhuē-t [Фасмер I: 141]. По происхождению с индоевропейским имперфектом связывают прежде всего формы простого аориста типа 1 л. ед. ч. *padъ, 2–3 л. ед. ч. *wede, 3 л. мн. ч. *i₂dō, а также формы, вошедшие в парадигму сигматического аориста типа *mino, *xwali (см. [Мейе 2000: 199, 203; Семереньи 1980: 317]). Имперфектные формы 2–3 л. ед. ч. типа *nese, как известно, утвердились в качестве единственно возможных аористов для корневых основ на согласный. Вместе с тем данные формы точнее могли бы быть охарактеризованы как формы имперфекта-инъюнктива, поскольку претеритальные формы без аугмента в индоевропейском употреблялись не в собственно темпоральном значении, а выражали различные значения косвенной модальности. В индоевропейском инъюнктив образовывали претеритальные формы с вторичными окончаниями без аугмента, которые, таким образом, теряли значение реального, референтного прошедшего времени (см. [Елизаренкова 1982: 281–283; Иванов 1981: 34–36]). Сохранение архаичных имперфектных форм и переосмысление их в качестве аористных было обусловлено, судя по всему, параллельным употреблением рядом с новыми суффиксальными формами в праславянском (см. [Кузнецов 1961: 126]). Поскольку в древнеславянских языках сохранялись реликтовые формы инъюнктива в виде форм презенса 3 л. ед. и мн. ч. без вторичных окончаний *-t и *-nt, связанных по происхождению с имперфектом, сохранение имперфектного статуса древних форм было проблематично. Инъюнктивное или императивное употребление безаугментного имперфекта в индоевропейском могло также стать одной из причин его замены новой системой имперфектных форм в праславянском языке. Инъюнктивные формы презенса в древнеславянских языках были связаны с категорией потенциальности и обозначали действие, реальность которого не утверждается. В древнерусских источниках они чаще всего были

частью архаичных по происхождению конструкций, восходящих к ритуально-правовым формулам «если X — то Y» (см. [Жолобов 2016a]). Вариативность форм стандартного презенса и инъюнктивного презенса на *-tī и *-t, генетически связанного с имперфектом-инъюнктивом, сохранилась и в формах нового имперфекта (см. ниже).

В индоевропейском языке имперфект появился в результате своеобразного претеритального удвоения после образования форм с вторичными окончаниями от основы презенса, в результате чего двухчленное противопоставление превратилось в трехчленное: 3 л. ед. ч. *bhéug-e-tī ‘бежит’ ~ *(e)-bhug-é-t ‘бежал’ > *bhéug-e-tī ~ *(e)-bhéug-e-t ~ *(e)-bhug-é-t. Поскольку внешнее текущее время презенса во вторичном претерите — имперфекте — стало внутренним в противовес внешнему времени претерита, образовалась потенциальная категория аспектуальности, которая в праславянском языке получила развитие. Претеритальное удвоение и образование нового имперфекта в праславянском повторяет модель претеритального удвоения в индоевропейском. Как и в индоевропейском, праславянский имперфект совмещал дуративную семантику презенса со значением прошедшего времени. В праславянском языке наблюдается структурная компенсация эволюционных потерь в языке-предке. Формирование нового славянского имперфекта стало своего рода возвращением к исходному индоевропейскому состоянию вследствие размывания морфологических характеристик индоевропейского имперфекта-инъюктива в праславянском. Этот процесс можно сравнить с восстановлением корреляции количественных и порядковых числительных и развитием склонения у неизменяемых количественных числительных после утраты морфологической корреляции в ходе фонетических преобразований: *septm̥ ‘семь’ ~ *septm̥-o-s ‘седьмой’ > *setь ~ *sedm-ь > *setь + *sedm-ь = *sedm-ь ~ *sedm-ь-jь (см. [Жолобов 2001: 97]). Толчком к новому удвоению претеритальных форм также стало затемнение морфологической структуры и корреляции словоформ.

Новый имперфект как форма прошедшего времени развивался вначале, по-видимому, в качестве разновидности сигматического аориста — фактического прошедшего, поскольку сохранял морфологическую связь с аористом, судя по консонантной основе суффикса *-x-/*-š- (/*-s-)¹. Вариативные формы 2 и 3 л. дв. ч. и 2 л. мн. ч. в старославянских евангелиях **нѣкаашѣта** vs. **нѣкаста**; **бѣпнѣшѣте** vs. **бѣпнѣастѣ**, **бѣпнѣаста**; **помѣшлѣашѣте** vs. **помѣшлѣастѣ** и под., как и в других древнеславянских источниках, указывают не столько на диахронические расхождения, сколько

¹ Исчерпывающий обзор гипотез о происхождении славянского имперфекта см. в [Кузнецов 1961: 110–127].

на диалектные различия в праславянском, поскольку в ряде древнеславянских памятников, прежде всего восточнославянских, формы первого типа не употребляются. Таким образом, имперфектные формы на *-sta*, *-ste* свидетельствуют о генетической зависимости имперфекта от суффиксального аориста. Основы нового имперфекта типа **nesē-* > **nesě-*, **wedē-* > **wedě-*, **znājē-* > **znaja-*, **mogē-* > **moža-*, **pekē-* > **peča-* могут рассматриваться как основы презенса с продленной ступенью тематического гласного (см. [Vondrák 1912: 510])². Откуда далее в новом типе *i*-глаголов, где, вероятно, *i*-степени могли варьировать: **nosi-ē-* > **nosja-* > **ноша-**, **wodi-ē-* > **wodja-* > **вожда-** / **вожа-** и под. В пользу последнего предположения свидетельствуют многочисленные случаи образования имперфекта от основы настоящего времени в древнеславянских памятниках письменности. А. Вайан [Вайан 1952: 271–272] приводит массу подобных примеров из Супрасльской рукописи, которые мы для большей наглядности дополняем формами инфинитива и презенса: **зѡвѣашѣ** (при **зѡвѣати** / **зѡвѣтъ**), **жѣнѣахѣ** (при **жѣнѣати** / **жѣнѣтъ**), **мѣлѣашѣ** (при **мѣлѣати** / **мѣлѣтъ**), **прнѣмѣашѣ** (при **прнѣмѣати** / **прнѣмѣтъ**), **обраштаахѣ** (при **обраштити** / **обраштѣтъ**), **мѣштаахѣ** (при **мѣштити** / **мѣштѣтъ**), **бѣсѣдоуашѣ** (при **бѣсѣдовати** / **бѣсѣдоуѣтъ**), **красоуашѣ** (при **красовати** / **красоуѣтъ**) и др. В связи с этим становятся понятными и кажущиеся полностью искусственными формы с тремя гласными графемами в древнерусских евангелиях, наследующих старославянские формы: **нѣ съмѣахѡу** ЕвМст 97г22–23; **знааашѣ** ЕвТип 469; **въпнѣашѣте** 40а16–17; **знааашѣ** ЕвПант 216а14; **бнѣахѡути** н 144в4 и под. Если в связи с вышеизложенным **знааашѣ** < **znājē-āx-e-t* < **znājē-* (модифицированная основа презенса) < **znāje-* (тематическая основа презенса), то подобные формы, напротив, закономерны.

В то же время новые, имперфектные, основы на **ē* и **ā* в формальном плане близки аористным основам типа **birā-*, **dēlā-*, **imē-*, **sēdē-*. Не случайно древний имперфект **бѣхѣ** сливается с парадигмой аориста, а рядом развивается новый имперфект **бѣахѣ** с суффиксом, расширенным вокалическим компонентом. В Саввиной книге наблюдаются лишь формы с консонантным суффиксом (при одном исключении — **нскаашѣ**), что может свидетельствовать об основном характере форм **ндѣшѣ**, **плѣтѣхѡмѣ**, **бѣдѣхѣ** и под.,

² В формальном плане данные основы совпадали с индоевропейскими тематическими основами конъюнктива. Поскольку в конъюнктиве наблюдается вариативность первичных и вторичных окончаний, существует предположение о двух временах в конъюнктиве — презенсе и имперфекте [Kuryłowicz 1964: 139].

которые принято связывать исключительно со стяжением гласных (см. [Вайан 1952: 268; Ван-Вейк 1957: 320]). Поскольку основы типа *nesē- = < *nese-e-, механизм развития вокализма в суффиксе — удвоение гласного основы, возможно, воспроизводят «аномальные» формы Супрасльской рукописи и Изборника 1073 г.: **НАУЪНЪЕХОМЪ** Супр 37, 9; **ПРЪСТАНЪЕШЕ** 258, 18 и под.; **БЪЕСТА** Изб 1073, 212в20; **ЖНЪЕШЕ** 259а23. Унификация суффикса в виде **-АХ-/-АШ-** была неизбежна ввиду развития форм **БЪРААХЪ**, **НСКААШЕ** и под. Суффикс имперфекта с «тематическим» гласным *а- является структурной параллелью к тематическому суффиксу аориста типа *nesохъ.

Если исходить из модификации презентной основы и образования новой имперфектной основы типа *wede- > *wedē-, то нужно признать, что в значении нового славянского имперфекта важное место стало принадлежать обозначению внутреннего времени или структуры действия — иными словами, вида глагола, получившего особую форму морфологического выражения. Значение текущего, длящегося действия презенса, перенесенное в прошедшее, стало внутренним — аспектуальным — временем глагола. Как можно заключить из наблюдений над эволюцией славянского имперфекта, скепсис по отношению к развитию начальной стадии категории вида в индоевропейском не имеет под собой оснований. Славянские языки развили категорию, которая в зародышевом состоянии уже существовала в материнском языке.

Перфективный имперфект

Прочная связь имперфекта с имперфективными основами выражается в статистике форм в канонических старославянских памятниках: только 1% имперфектов образован от перфективных основ, в то время как 40% аористов связаны с имперфективными основами [Večerka 1993: 157].

О развитии славянского имперфекта в рамках складывающейся категории вида свидетельствуют древние формы перфективного имперфекта с рядом обособленных значений.

Ю. С. Маслов установил, что перфективный имперфект приобрел значение «множественно повторявшегося в прошлом действия, каждый отдельный акт которого достиг завершения» [Маслов 1954: 81]. После исследования Ю. С. Маслова принято считать, что ранние древнерусские памятники, в которых перфективный имперфект был обычным явлением, существенно отличаются как от старославянских источников, в которых данные формы практически отсутствуют, так и от древнерусских списков ранних южнославянских переводов [Зализняк 2008б: 98]. Напротив, В. Б. Крысько [Крысько 2011: 827–829; Крысько 2014: 123–124], ссылаясь на отдельные примеры перфективного им-

перфекта в источниках южнославянского происхождения, скептически оценивает восточнославянскую природу подобных форм и отмечает неизученность этого специфического явления «на широком материале различных по происхождению источников».

А. А. Зализняк [Зализняк 2008б: 97] впервые установил точный количественный вес перфективных имперфектов на фоне общего числа имперфектов в целом ряде древнерусских памятников. «История Иудейской войны» Иосифа Флавия занимает в этом перечне четвертое место по количеству перфективных имперфектов в абсолютном выражении, однако на фоне общего большого числа имперфектов и количества слов в тексте абсолютные данные несколько теряют свою значимость. Тем не менее, имеет смысл прежде всего исходить именно из абсолютных цифр, поскольку употребление перфективных имперфектов диктуется типом дискурса и прагматикой текста. Согласно статистическим данным А. А. Зализняка, своеобразный рейтинг 6 древнерусских источников по абсолютному количеству «имперфектов совершенного вида» выглядит следующим образом (укажем из него 6 позиций):

Памятник	Количество имперфектов СВ	Общее количество имперфектов
1. ПВЛ по Лавр.	56	около 650
2. Житие Феодосия (нач. XII в.)	44	около 380
3. ПВЛ по Ипат.	42	около 620
4. Флав. (XI–XII вв.)	25	около 1800
5. Житие Андрея Юрод. (XI–XII вв.)	13	около 760
6. Гал.-Волын. лет. (XIII в.)	9	около 450

Установленные А. А. Зализняком статистические данные — прежде всего абсолютные — имеют важное значение: это показательный ориентир для оценки употребительности имперфектов совершенного вида в старославянских памятниках и других источниках. Менее важны и показательны относительные, процентные отношения, поскольку употребление мотивировалось тем или иным текстовым пассажем.

В старославянских евангелиях перфективный имперфект встречается очень редко, и это определяется типом текста. В SJS в каждой глагольной статье приводятся пометы вида глагола — совершенного («pf.») и несовершенного («imp.»). В статье **на зь рь тн** с пометой «pf.» приводится пример имперфекта совершенного вида из Мариинского евангелия: **на зь рь ѡ х ж н кь нн жь нн цн ... а штє вь со бот ж н сц ѡ н ть н** L 6,7 Mar (**на з н р а а х ж** Zogr As Ostr) [SJS II: 292].

Показательно, что в других евангелиях здесь представлен глагол несовершенного вида, в то время как в Мариинском евангелии подчеркнута многократность и постоянность действия, отражающую дистрибутивную множественность деятеля. Аналогичный пример из Саввиной книги обнаруживается в статье **пронтн** с пометой «pf.», где обозначена многократность, хабитуальность и исчерпанность действия полным охватом объектной направленности — в этом случае семантика дистрибутивности относится к объекту действия: **прондѣше** **ксоу** «**къ**» **грады** **вса** Mt 9,35 Sav (**прохождааше** Zogr Mar As Ostr) [SJS III: 352]. В отрицательных конструкциях с перфективным имперфектом **не дадѣаше** и аористом **не да** противопоставляются многократное законченное и однократное действия: **сѣдалншта** **продажштнхъ** **голжен** **нспроврже** · **и** **не дадѣаше** **никомуже** **ни** **мнестн** · **сѣждъ** **сквозъ** **цркъвь** Mc 11,15–16 Zogr Mar [SJS II: 211] vs. **прншьдъ** **же** **въ домъ** · **не да** **никомуже** **бынтн** **сѣ** **собои** · **тъкъ** **мо петровн** · **и** **ноану** · **и** **нѣковоу** · **и** **отъ** **цю** **отроковнца** · **и** **матерн** L 8,51 Zogr Mar As Sav Ostr [SJS I: 467]. Имперфект **не дадѣаше** ‘не позволял, так и не позволил, ни разу не позволил’ подчеркивает непреложность и исчерпанность действия — интенсивность запрета.

А. Вайан [Вайан 1952: 379] упоминает пример имперфекта совершенного вида из Сборника Клоца и отмечает, что имперфекты совершенного вида довольно часто встречаются в Супрасльской рукописи, где они обозначают возможность, обычность или кратность действия в прошлом.

По нашим подсчетам, в Супрасльской рукописи представлено по крайней мере 17 имперфектов от глаголов, которые охарактеризованы как перфективные в [SJS I–IV] и [ССС]: **дадѣаше** 104, 15³; **задѣхнѣаше** **са** 233об., 13; **нстрадаахъ** 46об., 4; **исѣхнѣаше** 238об., 24; **нцѣлѣаше** 248об., 16; **науѣнѣехомъ** 37, 9; **обраштахъ** **м’** **са** 36об., 26; **обраштаахъ** 256, 21; **останѣахъ** 207, 18; **подвнгниѣаше** 173об., 12; **помоляхомъ** 36об., 23; **поразоумѣахъ** 256, 20; **проснѣаше** **са** 256, 26; **прѣмльѣаше** 206об., 23; **прѣстанѣаше** 258, 18; **снндѣаше** 248об., 10; **сндѣаше** 248об., 16. Обращает на себя внимание большое количество имперфектов от основ настоящего времени.

Несомненно, 17 форм — это существенная величина. Общее число имперфектов здесь около 1250 форм — намного меньше, чем в Флав.

³ Указывается лист и строка рукописи по интернет-изданию на сайте manuscripts.ru.

Только в 4 древнерусских источниках представлено большее число имперфектов совершенного вида. Супрасльская рукопись в целом оказывается близкой по этому параметру древнерусским переводным памятникам письменности. В большей части контекстов данные формы имеют отчетливое кратно-перфективное значение. Целый ряд форм входит в целостные пассажи, образуя предикативные цепи. В переводе кратно-перфективное значение приходится передавать описательно или с помощью форм простого будущего — так называемого настоящего совершенного вида. Например, следующий ниже контекст может быть переведен таким образом: *Когда же мы в ратах обретались и всякий раз, как помолим Бога (всякий раз, как молили Бога), Он помог нам и мы одолевали, и все убежали, и мы одни числом сорок посреди них всякий раз оказывались (бывало, очутимся)*. См.:

1–2	<p>нѣгда бо въ ратѣхъ обрѣтахомъ сѧ · нѣ помолѣяхомъ бѣ · то помагаше намъ нѣ одѣлѣвахомъ · нѣ въсн побѣгдахъ · нѣ мы нѣднн м̄ · прѣдоу нѣхъ обрѣтахомъ сѧ Супр 36 об., 22–26.</p>
-----	---

Такое же законченное неопределенно-кратно действие обозначено имперфектами в других контекстах [Жолобов 2016б] (см. также [Жолобов 2016д]). *Не всегда ли, как начнем бороться, произносим этот псалом?*

3	<p>нѣ въсѣгда лн нѣгда науѣнѣхомъ сѧ братн · глаголаахомъ псалмоса сѣго 37, 9–10.</p>
---	--

Поиск контекстуальных значений перфективного имперфекта можно признать рискованным занятием, если он препятствует выявлению центральных инвариантных значений. Кроме кратно-перфективного значения, другим инвариантным компонентом категориально-грамматической семантики может выступать более или менее отчетливо выраженная дистрибутивность либо деятеля, либо объекта или адресата.

«Генетическая соотнесенность большинства древнерусских рукописей с южнославянской книжностью обуславливает их огромное значение для палеославистики» [Крысько 2003: 339]. Безусловно, для того чтобы составить полное представление об употреблении перфективных имперфектов в старославянском языке, необходимо учесть свидетельства церковнославянских памятников древнерусского извода. Анализ этих данных еще более убеждает в том, что перфективный имперфект был довольно обычным явлением в старославянском языке, а мера частотности его форм определялась дискурсивно-прагматической природой текста.

В древнеболгарском Симеоновом изборнике, сохранившемся в древнерусском списке 1073 г., нами обнаружено 9 имперфектов с кратно-перфективным значением — немалая величина (при общем числе имперфектов около 480 словоформ). Все они не противоречат узуальному раннедревнерусскому типу, а часть носит отчетливо русифицированный характер: **п^рнвѣзашѣ** Изб 1073, 151г2⁴; **подъложашѣ** 151г4; **нспростърашѣ сѧ** 151г5–6; **боудашѣ** 151г9–10; **въснѣшѣ** 151г11; **боудашѣ** 151г19; **п^рндѣяхоу** 257б16; **п^рндѣашѣ** 257б18; **п^рндѣяхоу** 257б20. Все формы сосредоточены лишь в двух нарративных пассажах, в которых говорится о многократных завершённых действиях в прошлом, представленных последовательной их цепью, когда действия сменяют друг друга установленным порядком, имеющим таинственную, сакральную природу⁵. Подобная прикрепленность к особому рода прагматико-дискурсивным формам доказывает сугубую функциональную направленность имперфектных словоформ совершенного вида. В первом пассаже представлены стяженные формы, а во втором — нестяженные, что не является редкостью в компиляциях. См. описание регулярной последовательности действий при гаданиях:

1–6	<p> да нгда оубо хоташѣ • свѣтнѣль въпрашатн ѣа о конн любо рѣун • п^рнвѣзашѣ н на рамьннцн посредоу прьснн н подъложашѣ роуцѣ подъ нѣ • н нспростърашѣ сѧ на дланнѣж • акы дѣска • н зѣра на кфѣдѣ въпрашаашѣ ѣа • о въпросѣ • н аштѣ боудашѣ ѣоу годѣ въпросѣ тоу абнѣ въснѣшѣ адамасѣ • н свѣтомь блнскаашѣ сѧ • аштѣ лн нѣ бѣашѣ годьно • прѣѣзваашѣ въ свокмь унноу • камъикъ • аштѣ лн хоташѣ ѣъ на мѣу прѣдатн людн • боудашѣ крѣвакъ • аштѣ лн сѣмрѣть нантн хоташѣ урьнъ Изб 1073, 151в28–151г21. </p>
-----	--

На примере этого пассажа вновь можно видеть, какой высокой концентрации достигали перфективные имперфекты в определенного типа текстах в старославянской традиции: 6 к 13 — 46%.

⁴ Согласно [SJS III: 264] **п^рнвѣзатн** — двувидовой глагол, но в приведенном ниже контексте предпочтительнее видеть перфективное употребление.

⁵ См. в связи с этим замечание В. А. Плуногья: «Наиболее справедливой представляется поэтому гипотеза, согласно которой дискурсивное использование грамматических механизмов в естественных языках в основном осуществляется с целью разграничить разные типы пассажей» [Плуногья 2008: 20].

В Синайском патерике, который был переписан со старославянского кодекса в конце XI в. (или, возможно, в начале XII в.), нами обнаружено еще большее количество имперфектов совершенного вида — 22 (при общем количестве около 840 имперфектных словоформ). Это весьма значительная величина даже на фоне древнерусских памятников с высокой относительной частотностью перфективных имперфектов. Среди них много так называемых стяженных, а кроме того, русифицированных форм, а также форм от основ презенса: **вЪ зЪ машѣ** СинП к. XI, 4об., 2; **вЪ зЪ машѣ** 175об., 1–2; **вЪ нЪ машѣ** 149, 18; **вЪ склѣ паашѣ** 71, 18; **вЪ склѣ пахуѣ** 89об., 19–20; **нстаашѣ** 176об., 1; **обрашашъ** 112, 11; **обрашашѣ** 10об., 7–8; **обрашашѣ** 117об., 16; **обрашашѣ** 124, 3; **обрашашѣ** 167, 19–20; **повѣлаашуѣ** 37об., 7; **покръиашѣ** 116об., 12–13; **положашѣ** 116об., 14; **прндаашуѣ** 37об., 6–7; **прндашѣ** 154, 4; **прндашѣте** 165, 7; **прнстоуплашѣ** 4об., 3; **прѣбоудашъ** 71, 17; **прѣбоудашъ** 90, 1; **рѣуашѣ** 92, 8; **сЪ коньшаашѣ** 28об., 10–11.

Большое число перфективных имперфектов в Синайском патерике естественно вытекает из дискурсивно-прагматической природы текста, повествующего о жизни монашествующих с ее неизменным, раз и навсегда заведенным порядком, с регулярной последовательностью цепи завершенных действий. Приведенный ниже контекст, например, может быть переведен следующим образом: *И когда я преодолел все ступени, пребывал (пребуду) здесь всякий раз, пока не всклепало било, кланяясь и совершая молитву; и когда даст знак било, я отправлялся на службу.* См.:

1–2	н нгда сълѣзохъ степѣнь вьсѣхъ · тоу прѣбоудашъ дондеже вьсклепа бнло · кланѣнѣ са н молитвоу твора · н нгда вьсклепаашѣ бнло · тьгда хожашъ на слоужьбоу СинП к. XI, 71, 16–19.
-----	---

Приведем ниже еще контекст с подобными формами. Во всех случаях здесь со всей очевидностью выступает кратно-перфективное значение, как в следующем примере: *...где, бывало, найдет логовище льва, там и спал.*

3	н м'ногашьды охода · н прѣзвиваа вь братннхъ · стго нкр'дана · ндеже <u>обрашашѣ</u> ложе львово тоу сьпашѣ 10 об., 6–8.
---	---

Ю. С. Маслов [Маслов 1954: 81] выделял 3 типа цепей с разным характером содержательных внутренних отношений: 1) кратно-парный, 2) кратно-цепной, 3) кратно-предельный. По-видимому, это закон

глагольной грамматической системы — глагольного морфосинтаксиса, который проявляется у разных типов форм. Так, Е. А. Мишина [Мишина 2002] установила, что в предикативных цепях у перфективного презенса реализуется модальное значение потенциальности. Согласно [Zholobov 2014], так называемые нулевые формы презенса также выступают в би- или полипредикативных цепях, где, как правило, только и могло реализоваться значение нефактивного, возможного действия. Трудно согласиться с Ю. С. Масловым в другом — в том, что именно внутренними темпоральными отношениями в цепях диктовалось появление перфективных имперфектов. Кратно-перфективное значение как категориально-грамматический феномен существует само по себе и реализуется в полипредикативных цепях, но вовсе не продуцируется ими.

Приведенные факты доказывают, что перфективные имперфекты как категориально-грамматическое явление наблюдаются в старославянском языке, однако, как и в древнерусских памятниках, они ассоциированы с особым типом повествования.

Большое количество перфективных имперфектов (**вѣсташѣ**, **нѣдѣашѣ** и под.) представлено в другом архаичном источнике такого же типа, что и Синайский патерик, — Скитском патерике, древний перевод которого предположительно может принадлежать Мефодию (см. [Крысько 2014: 123]).

Таким образом, наличие перфективного имперфекта в источниках старославянского происхождения доказывает, что славянский вид в основных своих чертах сложился уже в языке-предке, а существование перфективного имперфекта как категориально-грамматического явления свидетельствует о том, что новое удвоение претеритальных форм и развитие нового славянского имперфекта является отражением видового противопоставления в системе праславянского презенса, с которым имперфект коррелирует. Перфективный имперфект в древнерусском языке является праславянским архаическим наследием. Необычайно широкое использование перфективно-имперфектных словоформ в ранних древнерусских памятниках составляет особую черту языка восточных славян в XI–XII вв., хотя нельзя утверждать, что древнерусские источники не испытали влияния южнославянских письменных памятников (о перфективном имперфекте в древнерусских переводах и оригинальных текстах см. [Жолобов 2017: 72–81]).

Приведенные факты подтверждают аутентичность и функциональное родство как старославянских, так и древнерусских форм перфективного имперфекта, унаследованных из языка-предка. Имперфекты с кратно-перфективным значением фиксируют внимание в повествовательных текстах на особого рода реальности — хабитуальных завершённых ситуациях как мере и свидетельстве упорядоченности, неслучайного характера и причинной обусловленности событий.

Возможности употребления перфективного имперфекта, как можно предполагать, были отправной точкой в разнонаправленном развитии перфективных и имперфективных глаголов в разных славянских языках, в результате чего в «западных» славянских языках хабитуальные ситуации по-прежнему могут описываться перфективными глаголами (см. [Fortuin, Kamphuis 2015]). В то же время развитие перфективного имперфекта доказывает соотнесенность категории вида с категорией исчисляемости vs. собирательности, поскольку, как было установлено, плюрално-дистрибутивный тип деятеля или объекта и адресата провоцировал употребление перфективного имперфекта. Это второе по значимости мотивационное основание использования перфективного имперфекта.

Надеемся, что представленные новые материалы и комментарии к ним, оживят научную дискуссию по данной проблематике.

Имперфект с добавочным окончанием *-ть*

О. Б. Страховой установлено 2 типа употребления имперфекта с добавочным окончанием в Житии Феодора Студита по списку конца XII в. В первой части ЖФС XII (л. 33об. — 99) масштабно представлен максимально расширенный тип употребления имперфектов на *-тъ* (81 форма), в то время как во второй части (л. 100–172) использовано лишь 2 формы [Страхова 2011: 254]. Согласно А. А. Пичхадзе, в двух частях ЖФС XII прослеживается использование разной переводческой техники — иными словами, деление текста объясняется работой двух переводчиков [Пичхадзе 2011: 38–39]. Приходится признать, что в одно и то же время существовали разные традиции употребления имперфектных форм с добавочным окончанием — одна ориентирована на «свободный стиль» и максимально широкое использование форм на *-тъ*, а другая, напротив, ориентирована на книжную речь с ее сдержанностью в использовании данных форм.

Известно, что Житие Феодосия Печерского, созданное не позднее начала XII в. также распадается на 2 части, при том что разделение вызвано другими причинами — сменой писца в середине столбца 46г: в отличие от первого писца, у второго писца не встречается имперфект 3 л. ед. ч. на *-тъ*, а также отсутствуют формы с отражением перехода *-тн н < -тъ н* в 3 л. мн. ч. Таким образом, употребление соответствующих форм объясняется орфографическими навыками писцов, меньшей или большей свободой в использовании вариативных форм.

В Евангелии с его древней старославянской традицией господствует принцип максимальной ограниченности древнерусских форм с добавочным окончанием, сведенный к узкому типу контекстов с по-

тенциально обценным звучанием. Эта, ориентированная на Евангелие норма употребления, есть результат максимального сужения сферы использования имперфектов на -ТЬ. В заново создаваемых текстах или переводах, как можно удостовериться, наблюдается совсем другая картина. Так, в записи к Мстиславову евангелию до 1117 г. писец использует привычную для него форму на -ТЬ даже в составе плюсквамперфекта 3 л. ед. числа: **КЖЕ БѢШЕТЬ КАЗАЛЪ МЪСТН СЛАВЪ КЪНАЗЪ** ЕвМст 213a25–213б1. Здесь следует обратить внимание и на еще одну особенность данной формы: это так называемый стяженный имперфект, в то время как в самом евангельском повествовании полностью господствуют нестяженные формы, как в старославянском первоисточнике: **НСКААХЖ** ЕвМст 7613–14; **МОЛААХΟΥТЬ** 41г12; **БЛЮДААХΟΥ** 124б11; **ХЖЛАШЕ** 161б24–25; **ХОТААШЕ** 206б2 и под. Сохраняются в отдельных случаях даже формы с тремя гласными графемами подряд: **НЕ СЪМЪААХΟΥ** ЕвМст 97г22–23. Вместе с тем нестяженные формы несут отчетливую печать русификации в сравнении с исходными старославянскими формами: **МОЛААХΟΥТЬ** < **МОЛААХЖ**; **БЛЮДААХΟΥ** < **БЛЮДЪАХЖ**; **ХЖЛАШЕ** < **ХОУЛАШЕ**; **ХОТААШЕ** < **ХОТЪАШЕ** и т.д. Архаичные орфограммы с тремя гласными графемами, которые даже в старославянских источниках являются большой редкостью, наблюдаются и в более поздних древнерусских списках Евангелия в XII–XIII вв.: **БЪААШЕ** ЕвПант 65в3; **НМЪААШЕ** 112a11–12; **НМЪААШЕ** 115в3–4; **БНЪААХΟΥТН Н** (< **БНЪААХЖ Н**) 144в4; **ЗНАААШЕ** 216a14; **ЗНАААШЕ** ЕвТип 469; **ВЪПНЪААШЕТЕ** 40a16–17; **БНЪААХОТЬ Н** 56г13 и др.⁶

Единичный пример форм 3 л. ед. числа на -ТЬ в Остромировом евангелии 1056–1057 г. обусловлен речевым автоматизмом, поддержанным старославянским первоисточником:

<p>Н БѢША ЛЮДНѢ ЖНДѢЩЕ ЗАХАРНА Н УОУЖДААХЖСА КЖЕ МОУЖДАШЕТЬ ВЪ ЦРЬКЪВН Н ШЪДЪ ЖЕ · НЕ МОЖААШЕ ГЛАТН КЪ ННМЪ ЕвОстр 279a14–279б4*</p>	<p>УЮЖДААХЖ СА ЕЖЕ КЪШНЪАШЕ ТЪ ВЪ ЦРЪКЪВЕ L 1, 21 Mar (МЖДААШЕ Zogr, МОУЖДААШЕ As) [SJS II: 95]</p>
---	--

⁶ Такие формы встречаются лишь еще в глаголических четвероевангелиях — Мариинском и Зографском (см. [Вайан 1952: 268]).

* Ср.: **і бѣша люднѣ жндѣще захарна · н юуждаахѣса ꙗже моуждааше тѣ въ црѣвѣ · н ішьдъ не жожааше гла тн къ людѣмъ** ЕвТип 94a22–94б4.

Сочетание глагола и местоимения **МОУЖДАШЕ ТЪ** было воспринято как единая словоформа только по той причине, что подобные формы существовали в речи писца. Нельзя исключать того, что и в старославянском здесь была представлена единая словоформа, а не словосочетание. Подобный же случай в старославянской Саввиной книге рассматривают именно так:

<p>Н ЗАПРѢТН НМЪ ДА ННКОМОУЖЕ НЕ ПОВѢДАТЬ · КЛНКОЖЕ Н ЗАПРѢЩАШЕ ТЪ ОНН ПАУЕ ПРОПОВѢДААХОУ · Н ПРѢНЗЛНХА ДНВЛІААХОУСА ГЛЮЩЕ · ДОБРЪ ВЪСЕ ТВОРНТЬ ЕвПант 156612–19</p>	<p>КЛНКОЖЕ <u>ІМЪ ТЪ</u> ЗАПРѢШТААШЕ · ОНН ЖЕ ПАУЕ ІЗ ЛНХА ПРОПОВѢДААХЖ Mc 7,36 Zogr Ostr, <u>ЗАПРѢЩАШЕ ТЪ</u> (sic!) Sav (<u>ЗАПОВѢДАШЕ</u> Mar, <u>ЗАПРѢТІ</u> As) [SJS I: 655]*</p>
--	--

Тем не менее и в евангелия проникают под влиянием речевого автоматизма отдельные формы на -тъ, не связанные со стандартной позицией форм 3 л. мн. ч. имперфекта перед энклитическим местоимением **н**: **Н**ДІААХОУТЬ ЖЕ СЪ ННМЪ НАРОДН МНОЗН Ев-Тип 118а9–10; **н** не ІМІААХОУТЬ НМЪ ВЪРЪІ 135611–12; **ТАКО** НАПАДАХОУТЬ КЪМЪ ЕвМуз 49г17–18; **н** СЛОУЖАХОУТЬ КЪМОУ 113625; **т**вон БѢАХОУТЬ НМЪНѢ ТА ДАЛЪ КСН 148в21–23⁷; ДААХОУТЬ КЪМОУ 154г14–15; ПРЕЩАХОУТЬ КЪМОУ ЕвПант 129а8–9; **оу**чєннцн же ПРѢЩАХОУТЬ ПРННОСАЩНМЪ 13067–8; **н** ПРѢЩАХОУТЬ КЪМУ 132615; РЪПЪТАХОУТЬ ЖЕ НЮДЕН НА НЪ 12а25–26; **н** ОУЖАСАХОУСА Н ПОСЛѢДЪ НДОУЩЕ БОАХОУТЬСА 131619–20.

Помимо расширенного употребления перед разными формами анафорической местоименной энклитики **н**, здесь встречаются и не связанные с местоимением примеры, в том числе такие, которые свидетельствуют об исконном характере форм на -тъ.

У раннедревнерусских писателей обнаруживается разнообразие в употреблении дополнительного окончания, но в целом сохраняется некий единый своего рода стандарт, который обычно является свободным от литургической нормы. См. в проповедях Кирилла Туровского:

нгоже СНОМЪ БНІЕМЪ НАРНЦАХУТЬ кннжннцн СбТол XIII2, 8 об.; СБНРАХОУТЬСА ВЪ НІЕРЛМЪ 16об.; не КЪРОВАХОУТЬ КЪМОУ · **н**з протнкву

⁷ Имперфект здесь находится не перед энклитическим местоимением, а перед проклитикой — союзом **н**.

* А. Вайан приводит также форму **МОЖАШЕ ТЪ** из более поздней вставки в глаголическом Зографском четвероевангелии [Вайан 1952: 267].

блѣтн хулатъ 16об.; ѳеже н нѣса повѣдахутъ звѣздаю 31об.; нмѣшьеть же съ собою ꙗь 35об.

Литургический, «редуцированный» тип употребления имперфектов с дополнительным окончанием почти исключительно перед новой энклитикой н ‘его’ для избежания неблагозвучных сочетаний автору Слов также хорошо знаком: сьрътахуѣтн н СбТол XIII₂, 9 об. (с ранним южнорусским обозначением фонетического изменения -тъ н > -тн н) и др.⁸

Полная самостоятельность Кирилла Туровского при употреблении имперфекта проявляется и в другом: у него находим имперфект с полногласием полокаху ‘полоскали’ при разъяснении гебраизма вѣѣзда, которое является уникальным в древнеславянской письменности⁹:

того радн при мнозѣ приде народѣ • къ соломонн водобрьжн • нже нарцаютьса вѣѣзда • снръуѣ шкъуа коупель • понеже тоу полокахуѣ жрътвѣнхуѣ овецѣ оутрегы СбТол XIII₂, 17.

Добавочное окончание является наследием той эпохи, когда имперфект-инъюктив стал смешиваться с презенсом после появления претеритального удвоения и развития суффиксального имперфекта. В новой работе отмечаются формы имперфекта с добавочным окончанием в южнославянских кодексах Учительного евангелия Константина Преславского [Крысько, Мольков 2017: 380]. Этот факт не оставляет сомнений в праславянском происхождении имперфектов 3 л. с добавочным окончанием.

Аорист *рѣша*

Известно, что простой аорист, как и сигматический от консонантных основ, употребился в Древней Руси в текстах, переписанных с южнославянских рукописей. Архаичные формы сигматического и простого аориста встречаются в древнерусском списке 13 Слов Григория Богослова XI в., переписанного, вероятно, с глаголического первоисточника. См. формы 1 л. ед. ч., 3 л. дв. ч., 2 л. мн. ч. глаголов нзнемощн, нстрыгнѣтн, навѣстн, науѣтн, реѣтн:

н кольнѣ мон нзнеможете постомъ ГБ XI, 22б; се же н створиѣ • н аще малымъ взше науѣсѣ 144а; н не показахѣ • макъуаншнмн брауѣваннмн навѣсѣ 301в; н дѣлъ егоже не одѣжднхѣ нсѣше • н рѣсте • мжжнмъ са • навѣсѣ на къ градѣ • дѣкатю язвѣ показав ... н жнта вашѣ побнхѣ • н зълбѣ вашѣ не нстрыгѣ 302а (если последняя форма не причастная).

⁸ См. [Жолобов 2015].

⁹ Реконструируется праслав. *polkatī наряду с *polskati; срв. укр. *полóкати* ‘полоскать’, ст.-сл. плакатн [Фасмер III: 315].

16 форм простого аориста засвидетельствовано в Захаринском паримейнике 1271 г. Встречается и видоизмененный сигматический аорист, например: *си мн дасть ѿ дрѣва н снѣгѹхъ* Зах 1271, 46г13–15 vs. *снѣдоухъ* Григ XII/XIII, 22; *вьсь днь разворѣшася всн нстоунци безднзи* Зах 1271, 84а7–10 vs. *разкрѣзшж сд* Григ XII/XIII, 35 и под. [Zholobov 2016: 163–164]. Г. А. Мольков недавно установил новые факты хорошего знакомства древнерусских писцов с простым аористом в ранний период: в Погодинском евангелии XI в. представлено 22 формы простого аориста, а в Толстовской псалтыри XI в. — 124 формы (!). Это полностью опровергает устоявшуюся точку зрения о чрезвычайной редкости форм простого аориста в славяно-русской письменности [Мольков 2017].

В то же время в оригинальных древнерусских текстах таких форм нет. Это доказывает их диалектный характер, с одной стороны, а с другой — узуальный, живой характер претеритов, которые встречаются в оригинальных древнерусских текстах.

Другая картина наблюдается в случаях с употреблением сигматического аориста глагола *рѣун/рѣци*. Так, западностарославянский тип форм преобладает в позднедревнерусском Захаринском паримейнике 1271 г., однако нужно иметь в виду, что здесь и сам перевод имеет кирилло-мефодиевское происхождение. Соотношение здесь такое: 1 л. ед. число *рѣхъ* — 11, *рѣкохъ* — 2; 3 л. дв. число *рѣсте*, *рѣста* — 2, *рѣкоста* — 0; 2 л. мн. число *рѣсте* — 1, *рѣксте* — 2; 3 л. мн. число *рѣша* — 11, *рѣкоша* — 6; *нарѣша* — 0, *нарѣкоша* — 1 [Zholobov 2016: 164].

Данный глагол в последних работах включается в число ключевых единиц ренарратива как разновидности категории эвиденциальности (см. [Копотев 2014]). В проповедях Кирилла Туровского обнаруживаются почти исключительно формы сигматического аориста *рѣша* ‘сказали, говорили’, которые были характерны для кирилло-мефодиевских источников, помимо следующих форм:

Сн бо рече соломонъ помыслиша н прѣльстншася ослепн⁶⁰ ѿ злоба нхъ · рѣкоша бо суловнмъ правдннка · руганиемъ н ранами стажемъ него · н смѣртню беззѣпотною осудимъ него СбТол XIII₂, 9; ҃то же н иеще хощете ѿ мене слышатн · понеже рѣкоухъ вамъ н не вѣрочете · ѣда н взи оученици него съ мною хощете быти 29об.; к немоще възгласивше стнн нашн рѣкоша ѿцн 40об.¹⁰

В Словах Кирилла Туровского лексико-грамматическая единица *рѣша* получила значение не просто введения прямой речи, а своего рода экспрессивно-документального подтверждения чужой речи. См.:

¹⁰ Нельзя исключать появления этих форм под пером переписчика.

нн въздаша хвалы бѣн · въздвнгноувъзшоому раслабленаго ш Одра немощн · нн рѣша како ти са брате жнлы оукрѣпнша СБТол XIII₂, 20об.; можн бо рѣша ганнлѣстнн что стонтѣ зраще на нѣо 33.

Особая функция данной словоформы подчеркивается ее вставным в прямую речь употреблением на месте энклитики:

нстрѣбнмъ бо рѣша памать него СБТол XIII₂, 10; Нъ испытаннмъ рѣша добръ · въззовѣмъ н иещѣ второе прозрѣвъшаго 28об.¹¹

Оба способа употребления словоформ могут сочетаться в одном контексте:

сзннде бо рѣша на землю ннкомуже не уюкшо · н се рабнн поса шбраздъ възходнтѣ · шнн же рѣша не боудемъ покорн · аще не оуслышнмъ слока бѣнн СБТол XIII₂, 36.

Заметим, что подобное употребление не выделяется историческими словарями. Сходные случаи, однако, отмечаются с другой формой глагола, например, в Слове о полку Игореве: Помняшетъ бо, речь, прѣвхъхъ времянь усобицѣ (цит. по [Зализняк 2008б: 461]); «Хощу бо, рече, копіе приломити конецъ поля Половецкаго; съ вами, Русици, хощу главу свою приложити, а любо испити шеломомъ Дону» (цит. по [Зализняк 2008б: 462]); А Святославъ мутен сон видѣ въ Кіевѣ на горахъ. «Си ночь съ вечера одѣвахуть мя, рече, чръною паполомоу на кровати тисовѣ...» (цит. по [Зализняк 2008б: 467]). Сигматический аорист в Слове о полку Игореве отсутствует, см.: рекоста бо братъ брату: «се мое, а то мое же» (цит. по [Зализняк 2008б: 466]); И рцоша бояре князю: «Уже, княже, туга умъ полонила» (цит. по [Зализняк 2008б: 467]); Нъ рекосте: «мужаймѣся сами, преднюю славу сами похитим, а заднюю ся сами подѣлимъ!» (цит. по [Зализняк 2008б: 468]). В Слове о полку Игореве лишь однажды прямая речь вводится глаголом мльвить. У Зализняка упоминаются без ранга в поздних источниках только энклитические формы реку, рече, рѣци, которые носили «почти грамматический характер» [Зализняк 2008а: 45].

А. А. Гиппиус отмечает, что с учетом поздних вставок «повествование о древнейшей истории Русской земли, легшее в основу Начальной летописи, вообще не знало новых форм аориста (типа рекоша), употребляя исключительно старые (типа рѣша)» [Гиппиус 2009: 249].

Таким образом, у Кирилла Туровского сигматический аорист рѣша — это грамматикализованное, морфосинтаксическое средство, в

¹¹ В формальном отношении данные контексты близки русским: *Год, говорят, грибной будет*. Однако они имеют значение не документального свидетельства, а предположения с опорой на неопределенные источники. См. также в древнерусской летописи в конструкции с косвенной речью и предположительной семантикой бѣ бо нудъ прншло, творѣху, ꙗбѣ нан болѣ, *Новг. 1 лет. 6736 г.*, где творнн 'указывать, говорить что про кого-либо' [Срезн. III: 936].

качестве одной из единиц категории эвиденциальности обслуживающее указание на чужую речь. В чем здесь допустимо видеть переход языковой единицы с рубежа лексического на ступень грамматикализации или близкий к ней уровень? Отмечается употребительность сигматического аориста данного глагола в древнерусской письменности — прежде всего раннего периода — как переводной, так и оригинальной (см. [Пичхадзе 2011: 324–325]). В связи с этим формы типа *рѣша*, пожалуй, основного глагола речи, могут отражать не только влияние кирилло-мефодиевской традиции, но и сохранение функционально обособленной праславянской формы. Данный факт может быть сопоставим с сохранением еще более глубокого, индоевропейского, архаизма — медиального перфекта *вѣдъ* ‘я знаю’, являющегося ключевой лексико-грамматической единицей категории эвиденциальности в функции указания на непосредственный субъектный источник информации (см. [Žolobov 2016: 4–6]). «...Evidentiality... actually involves the speaker’s attitude toward the truth of the statement» [Friedman 1986: 186]. Прямая речь, сопряженная с употреблением *рѣша*, несет большую дискурсивно-прагматическую нагрузку, придавая пассажам проповеди характер документального свидетельства. Итак, *рѣша* < *rěšę — это изолированный индоевропейско-праславянский архаизм с единственной функцией маркера чужой речи, тяготеющий к клитическому употреблению и контрастирующий с живыми аористами типа *рѣкоша*. Наряду с приведенными выше данными А. А. Гиппиуса, язык кирилловой проповеди в этом отношении может отсылать еще к праславянской традиции ренаррации.

Аорист на *-тъ*

Аорист 2–3 л. ед. числа с окончанием *-тъ* стал наследственной чертой кирилло-мефодиевской школы письменности (см. [Žolobov 2016: 164–168]), поэтому мы находим его даже в позднерусских списках западно-старославянских источников:

н прѣнѣтъ нѣнѣ мнѣть своѣю н сѣвѣтъ н судѣннъ къ водѣу Зах 1271, 12г; н все ѣнѣнко бѣ на соушн оумрѣтъ 84г–85а; ѡбѣ моѣ заклатъ ма 162б–162в; жнѣтѣ нѣснѣфъ ·рї· 164в; ꙗъ дасть ꙗъ штатъ 180г–181а; н покрѣтъ ю ѡблѣкъ шесть дѣнн 246а и мн. др.

Такие формы могут соответствовать аористам без окончания *-тъ* в других списках, в том числе в среднеболгарском Григоровичевом паримейнике:

н вѣрѣу <u>ѣтъ</u> н аѣрамъ ꙗън Зах 1271, 120в	і вѣрѣу <u>ѣтъ</u> аѣрамъ ꙗън Тр XIV ₂ , 52г	Н вѣрѣ <u>ѣ</u> аѣрамъ ꙗън Григ XII/ХІІ, 48
---	--	--

н <u>пскрѣтъ</u> ю <u>оублакъ</u> шестѣ <u>дннн</u> Зах 1271, 246а	н <u>пскрѣ</u> негю <u>оублакъ</u> · <u>с̣</u> · <u>днн</u> Тр XIV ₂ , 141б
---	---

Каким бы ни было происхождение форм, модель на -тъ была генерализована и закрепились в группе глаголов с омонимичными формами страдательных причастий типа агъ, сѣнѣтъ, пѣтъ. Их близость была отмечена Ван-Вейком [Ван-Вейк 1957: 314]. На взаимосвязь активных форм аориста на -тъ и пассивных форм с суффиксом -т- в своем структуралистском описании старославянской глагольной системы указал Х. Кох [Koch 1990: 239]. Ассоциированность данных форм засвидетельствована менами при трансформации страдательных конструкций в активные. Яркий пример подобной трансформации приведен В. Б. Крысько со следующим комментарием: «О том, что аорист прнѣтъ был для древнерусских книжников совершенно обычной формой, свидетельствует преобразование конструкции с омонимичным страдательным причастием: 3-й писец Соф заменил оборот, сохраненный другими писцами (С) в виде прнѣтъ бѣ, на прнѣтъ н с̣тън 135а20» [Крысько 2011: 826]¹².

Именно следствием этой традиции как раннего архаизма особой характеристикой проповедей Кирилла Туровского является стопроцентная реализация аористов с окончанием -тъ. Проповеди в этом отношении следуют исключительно западно-старославянскому типу. См.:

блудница грѣхъ шпосѣтъ прнѣтъ СбТол XIII₂, 5об.; вдовца · ѡ мрътъвѣхъ своего сѣа сѣ дшею жива прнѣтъ 5об.; иже ѡ беззаконникъ за бѣгаи прнѣтъ боб.; н прнѣтъ сѣтъннѣ взпроси н аще оуже оумреть пропѣтън ѣтъ н оувѣдакъ дасть тѣло ношнфсѣ 10об.¹³; н коупнѣ плащаницю сѣнѣтъ тѣло ѣско сѣ кѣта 10об.; акы първѣнѣца прнѣтъ негю 30об.; оублакъ сѣтъвѣ подѣятъ н ѡ оуню нхъ 35об.; науатъ злогѣ сѣма сѣятн 39; н науатъ оуканьнѣн снѣ догматнѣсатн 40.

Необычным может показаться тот факт, что в этом случае отсутствует вариативность, присущая как переписанным с кирилло-мефодиевских переводов источникам — например, Захаринскому паримейнику 1271 г., так и оригинальным древнерусским текстам — например, Житию Феодосия Печерского по списку XII в. в Успенском сборнике.

¹² Соф — Софийский пролог (РНБ, Соф. 1324, л. 1–160, XII–XIII вв.).

¹³ Форма оумреть (ст.-сл. оумрътъ), вероятно, содержит восточнославянское флективное -тъ, однако в рукописи конечный ь в верхней части смыкается с перемычкой т и может быть прочитан как з. Такое же написание имеет форма дасть, которая довольно регулярно употреблялась в древнерусских источниках.

Перифрастические формы

Перфект — это самая многогранная семантически форма прошедшего времени, судя по её значениям в ведийском [Елизаренкова 1982: 287–288]. Поскольку синонимически перфект мог заменяться предикативным причастием, образование аналитического перфекта, по-видимому, является поздней диалектной инновацией в самом индоевропейском. Семантическая сложность перфекта в новое время обуславливается его структурой. Причастие обладает признаковостью и отнесенностью к прошлому, а связочный глагол относится к настоящему, однако это значение может поглощаться значением либо существования, либо — сущности, поскольку признание изначальной смысловой выхожденности экзистенциального глагола *быти* следовало бы считать чрезмерно сильным допущением. В связи с аналитизмом формы допустимо видеть при употреблении перфекта реализацию одной из трёх потенциальных функций с акцентом на одной из них: характеризующее обозначение, свидетельство о событии или явлении на основе имеющейся информации, апелляция к внутреннему смыслу, сущности события или явления. Экзистенциальная семантика связочного глагола продуцирует развитие у перифрастических форм эвиденциальной категориальности, а качественная семантика причастия и дефиницирующее назначение связочного глагола способствуют развитию эпистемической модальности. Именно по этой причине инвариантное значение у перфекта в древнеславянских языках трудно выявить, хотя его чаще всего (пожалуй, всегда) называют, опираясь на индоевропейскую традицию: текущее состояние, достигнутое в результате действия в прошлом. Вместе с тем в индоевропейском «состояние» изначально было противопоставлено «времени — презенсу как знаку действия» [Семереньи 1980: 351].

Перфект — одна «из наиболее сложных и загадочных граммем в языках мира» [Плунгян 2016: 7]. На эволюционный дрейф древнеславянского перфекта проливают свет дискуссии по эвиденциальности. Эвиденциальный перфект в старославянском упоминают Б. Гаспаров [Гаспаров 2003: 237–238] и Б. Конески [Конески 1986: 174], так что его истоки можно усматривать в праславянском. Инвариантное значение славянских эвиденциалов до сих пор выявить не удается, как и ограничиться пучком конкретных значений, а также полностью отделить эвиденциальность от эпистемической оценки, если судить по неутраченной дискуссии и обилию разноречивых гипотез. Автор недавнего монографического исследования видит в этой сложной ситуации выход в обращении к пространству балканского текста, где эвиденциальность и эпистемичность оживают, а эвиденциальные и

эпистемические значения разграничиваются при анализе, тогда как в тексте обычно сосуществуют [Макарцев 2014: 49 и др.]. При этом функции самой эвиденциальности неоднородны: она раздваивается по крайней мере на инферентив и репортатив¹⁴.

Полагаем, что перфект может сходным образом изучаться в пространстве древнерусского текста, когда берется во внимание культурный архетип текста. Древнерусский учительный дискурс опирается на авторитет Священного Писания, поэтому функции инферентива, репортатива и эпистемической модальности в нем неизбежно присутствуют, так что становится заметной тенденция их грамматикализации.

Так, у проповедника второй половины XII в. Кирилла Туровского очень большой частотностью отличаются формы перфекта — прежде всего 3 л. Всего представлены в самой близкой к оригиналу редакции по Толстовскому сборнику второй половины XIII в. 53 формы: 26 форм 2 л. ед. числа и 2 формы 2 л. мн. числа; 25 форм 3 л. ед. числа, из которых 4 без связки и еще 3 формы не имеют связки, находясь в цепи связочных форм. Обращает на себя внимание факт равного распределения форм 2 и 3 л. ед. ч. В проповедях фиксируется лишь 5 форм плюсквамперфекта. Для сравнения в другом, более раннем шедевре — Житии Феодосия Печерского при близком объеме встречается лишь 13 перфектов и 27 плюсквамперфектов. Это сравнение демонстрирует, насколько сильно на частотность перифрастических форм влияли различия дискурсивно-прагматического характера и типы текстов.

Рядом с аористом, обозначающим исторический, физический факт, перфект оказывается необходим как своего рода экзегетический инферентив, чтобы оценить и вскрыть текущий общезначимый и надфизический смысл действия: *Кръвь с водою нздаребрь нстоун · нмаже телесною всю сквърною шунстнкъ н дша ѱлкъа оствнлъ нсть* СбТол XIII₂, 13. Не случайно перфект входит в состав придаточного относительного предложения. Перфект у Кирилла значим именно в связи с его исконной традиционной многозначностью. Кирилл видит новые, свежие обертоны, демонстрируя исконную смысловую подвижность перфекта. Поскольку связочный глагол *нсть* имел двойное значение существования и утверждения сущности чего-либо, перфект зачастую обслуживал текущую смысловую оценку фактов прошлого вместе со свидетельствованием о них (см. [Жолобов 2016в; Жолобов 2016г]). Мы видим,

¹⁴ «Although expressing the current relevance of a past situation is the central and prototypical meaning of the perfect, I know of no perfects that only have this function. I propose the following tentative universal: *If a gram has the CR meaning, it also has at least one of the following meanings: resultative; experiential (indefinite past); inferential; reportative*» [Lindstedt 2000: 378].

как в следующем пассаже Кирилл не только погружает паству в евангельские события, одновременно толкуя их, перфект он использует как некий слом ума: формы перфекта заменяют однокоренной аорист, чтобы указать на духовное, невидимое следствие, названное аористом. См.:

Нѣина луна с възшьнаго съступнѣвшн степенн • болшему свѣтнлу ѣтъ подаваеть • оуже ветхын законъ по писанню съ свѣстамн преста • н прѣкзи хѣву закону съ недѣлю ѣтъ подаеть • Нѣина зима грѣховнаа покаиннемъ престала естъ н лѣдъ невѣрна бѣообразумнемъ растаиса зима оубо издыуьскаго кумнослуженна • апльскымъ оуученнемъ н хѣвою вѣрою престала естъ • лѣдъ же фомна невѣрна показаннемъ хѣвъ ребрь растаиса СбТол XIII, 1.

Чрезвычайно показательны контексты, в которых рядом с простыми претеритами во 2 л. ед. употребляется перфект во 2 л. ед. числа. Они опровергают предположение об экспансии перфекта 2 л. в связи с омонимией 2 и 3 л. ед. числа простых претеритов:

нз съхранн та ѡ тѣхъ іѣз негоже ты хранаше тѣло • не оубоявдса гнѣва жндовьска • не прещенна жреуьска • нн напрасно оубнвающнхъ коннз не оустрашса • не пожалси по мнозьмъ бѣтьствѣ • уаи трнднѣснаго възскрнн • нз пауче всѣхъ стѣхъ подвнзалса іесн бѣблжнн нощнѣ • н пауче всѣхъ нмаши дерзновеннє кз хѣоу 15об.

В приведенном пассаже простые претериты обозначают исторические и физические действия, в то время как перфект — подвергшийся текущей оценке, общезначимый, надысторический, в том числе метафизический их смысл. Перфект создает некую «параллельную реальность» на фоне аориста и имперфекта. Мы видим, что перфект, в отличие от аориста, не продвигает повествование, а информирует и интерпретирует: «the perfect does not narrate, but objectivizes» [van Schooneveld 1959: 94].

«Сущности, отождествляемые как перфект, демонстрируют высокую степень полисемии, контексты их употреблений в разных языках, как правило, не совпадают, иногда весьма существенно» [Плунгян 2016: 7]. Древнеславянский перфект имеет особую функциональную природу, что наглядно проявляется в переводах с греческого, где корреляция соответствующих «сущностей» наблюдается в очень ослабленном виде.

Источники

- Григ XII/XIII — Григоровичев паримейник, XII–XIII вв. РГБ, Григ. 2. 104 л.; Рибарова З., Хауптова З. Григоровичев паримейник. Скопје, 1998.
- ЕвМст — Мстиславово евангелие, до 1117 г. ГИМ, Син. 1203. 213 л.; Интернет-издание подгот. Д. С. Корнилова, при поддержке ИАС «Манускрипт» (http://manuscripts.ru/mns/main?p_text=82016377).

- ЕвМуз — Музейное евангелие, XII–XIII вв. РГБ, Рум. 104. 158 л. Интернет-издание подгот. О. В. Зуга, Е. В. Рябова, при поддержке ИАС «Манускрипт» (http://manuscripts.ru/mns/main?p_text=42096819).
- ЕвОстр — Остромирово евангелие, 1056–1057 гг. РНБ, Ф.п.1.5. 294 л.; Интернет-издание подгот. Т. В. Кокорина, О. Головизнина, при поддержке ИАС «Манускрипт» (http://manuscripts.ru/mns/main?p_text=40921436).
- ЕвПант — Пантелеймоново евангелие, XII–XIII вв. РНБ, Соф. 1. 224 л.; Интернет-издание подгот. О. В. Зуга, при поддержке ИАС «Манускрипт» (http://manuscripts.ru/mns/main?p_text=35294270).
- ЕвТип — Типографское евангелие, XII в. РГАДА, Тип. 1. 193 л. Интернет-издание подгот. Е. В. Рябова, при поддержке ИАС «Манускрипт» (http://manuscripts.ru/mns/main?p_text=54366871).
- ЖФС XII — Житие Феодора Студита // Выголексинский сборник / Изд. подгот. В. Ф. Дубровина, Р. В. Бахтурина, В. С. Гольшенко; под ред. С. И. Коткова. М., 1977.
- Изб 1073 — Изборник 1073 г. ГИМ, Син. 1043. 266 л.; Интернет-издание подгот. Т. В. Кокорина, А. А. Соколова, при поддержке ИАС «Манускрипт» (http://manuscripts.ru/mns/main?p_text=42519074).
- Зах 1271 — Захариинский паримейник, 1271 г. РНБ, Q. п. I. 13. 264 л.; Интернет-издание подгот. О. Ф. Жолобов, А. И. Кузовенкова, при поддержке ИАС «Манускрипт» (http://manuscripts.ru/mns/main?p_text=93729005).
- СБТол XIII₂ — Толстовский сборник, второй половины XIII в. РНБ, Ф. п. I. 39. 184 л.
- СинП к. XI — Синайский патерик / Изд. подгот. В. С. Гольшенко, В. Ф. Дубровина. М., 1967; ГИМ, Син. 551. 184 л. Интернет-издание подгот. Т. В. Кокорина, А. А. Соколова, О. В. Зуга, при поддержке ИАС «Манускрипт» (http://manuscripts.ru/mns/main?p_text=44386403).
- Супр — Супрасльская рукопись XI в. Народ. библи. Варшавы, собр. Зам. № 21 — 151 л.; Универ. библи. Любляны, Cod. Кор. 2 — 118 л.; РНБ, Q.п.72 — 16 л. 285 л. Интернет-издание подгот. Е. В. Рябова-Чернова, при поддержке ИАС «Манускрипт» (http://manuscripts.ru/mns/main?p_text=85179364).
- Тр XIV₂ — Паримейник, второй половины XIV в. РГБ, Тр. 4. 142 л.; Интернет-издание подгот. О. Ф. Жолобов, А. И. Кузовенкова, при поддержке ИАС «Манускрипт» (http://manuscripts.ru/mns/main?p_text=88206084).

Литература

- Бюлер 2000 — *Бюлер К.* Теория языка. М., 2000.
- Вайан 1952 — *Вайан А.* Руководство по старославянскому языку. М., 1952.
- Ван-Вейк 1957 — *Ван-Вейк Н.* История старославянского языка. М., 1957.
- Гаспаров 2003 — *Гаспаров Б.* Наблюдения над употреблением перфекта в древнецерковнославянских текстах (К вопросу о грамматическом значении) // Русский язык в научном освещении. 2003. № 5 (1). С. 215–242.
- Гиппиус 2009 — *Гиппиус А. А.* Рекоша дружина Игореву... — 3. Ответ О. Б. Страховой (Еще раз о лингвистической стратификации Начальной летописи) // *Palaeoslavica*. 2009. XVII/2. С. 248–287.

- Елизаренкова 1982 — *Елизаренкова Т. Я.* Грамматика ведийского языка. М., 1982.
- Жолобов 2001 — *Жолобов О. Ф.* Древнеславянские числительные как часть речи // Вопросы языкознания. 2001. № 2. С. 94–109.
- Жолобов 2015 — *Жолобов О. Ф.* О древнерусском имперфекте // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2015. Т. 157. Кн. 5. С. 28–35.
- Жолобов 2016а — *Жолобов О. Ф.* Древнерусский глагол: к истории презенса. Казань, 2016.
- Жолобов 2016б — *Жолобов О. Ф.* От праславянского языка к старославянскому: о перфективном имперфекте // Вопросы языкознания. 2016. № 3. С. 64–80.
- Жолобов 2016в — *Жолобов О. Ф.* Функционирование сложных претеритов в памятниках древнейшей поры // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2016. Том 158. Кн. 5. С. 1234–1245.
- Жолобов 2016г — *Жолобов О. Ф.* Заметки о словоформе *e* ‘есть’ в древнерусской и старославянской письменности // *Slověne*. 2016. Vol. 5, № 1. С. 114–125.
- Жолобов 2016д — *Жолобов О. Ф.* Простой индикатив в Выголексинском сборнике // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2016. 1 (63). С. 91–99.
- Жолобов 2017 — *Жолобов О. Ф.* Древнерусская грамматика: простые претериты и *praesens historicum*. Казань, 2017.
- Зализняк 2008а — *Зализняк А. А.* Древнерусские энклитики. М., 2008.
- Зализняк 2008б — *Зализняк А. А.* «Слово о полку Игореве»: взгляд лингвиста. М., 2008.
- Иванов 1981 — *Иванов Вяч. Вс.* Славянский, балтийский и раннебалканский глагол. Индоевропейские истоки. М., 1981.
- Конески 1986 — *Конески Б.* Историја на македонскиот јазик. Скопје, 1986.
- Копотев 2014 — *Копотев М. В.* Эволюция русских маркеров ренарратива: синтаксис или лексика? // ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований РАН. Т. X. Ч. 2. Русский язык: грамматика конструкций и лексическо-семантические подходы / Ред. С. С. Сай, М. А. Овсянникова, С. А. Оскольская. СПб., 2014. С. 712–740.
- Крысько 2003 — *Крысько В. Б.* Русско-церковнославянские рукописи XI–XIV вв. как источник по истории старославянского и русского языков: новые данные // Славянское языкознание. XIII Международный съезд славистов. Люблина, 2003 г. Доклады российской делегации. М., 2003. С. 339–355.
- Крысько 2011 — *Крысько В. Б.* Морфологические особенности житийной части Софийского пролога // Славяно-русский Пролог по древнейшим спискам. Синаксарь (житийная часть Пролога краткой редакции) за сентябрь–февраль. Т. II: Исследования / Изд. подгот. В. Б. Крысько, Л. В. Прокопенко, В. Желязкова, И. М. Ладыженский, А. М. Пентковский. М., 2011. С. 798–837.
- Крысько 2014 — *Крысько В. Б.* Об издании Скитского патерика // Вопросы языкознания. 2014. № 5. С. 122–148.
- Крысько, Мольков 2017 — *Крысько В. Б., Мольков Г. А.* Языковые особенности Учительного евангелия Константина Преславского и его древнейшего списка // *Zeitschrift für Slavische Philologie*. 2017. Bd. 73. H. 2. S. 331–395.

- Кузнецов 1961 — *Кузнецов П. С.* Очерки по морфологии праславянского языка. М., 1961.
- Макарецов 2014 — *Макарецов М. М.* Эвиденциальность в пространстве балканского текста. СПб., 2014.
- Маслов 1954 — *Маслов Ю. С.* Имперфект глаголов совершенного вида в славянских языках // Вопросы славянского языкознания. Вып. 1. М., 1954. С. 68–138.
- Мейе 2000 — *Мейе А.* Общеславянский язык. М., 2000.
- Мишина 2002 — *Мишина Е. А.* Настоящее узуальное и потенциальное в восточнославянских памятниках XI–XV вв. // Лингвистическое источниковедение и история русского языка 2001. Сб. статей. М., 2002. С. 199–228.
- Мольков 2017 — *Мольков Г. А.* Простой аорист в древнерусской письменности // Русский язык в научном освещении. 2017. 1 (33). С. 199–175.
- Пичхадзе 2011 — *Пичхадзе А. А.* Переводческая деятельность в домонгольской Руси: лингвистический аспект. М., 2011.
- Плунгян 2008 — *Плунгян В. А.* Предисловие: дискурс и грамматика // Исследования по теории грамматики. Вып. 4: Грамматические категории в дискурсе / Ред. В. А. Плунгян (отв. ред.), В. Ю. Гусев, А. Ю. Урманчиева. М., 2008. С. 7–36.
- Плунгян 2016 — *Плунгян В. А.* К типологии перфекта в языках мира: предисловие // Исследования по теории грамматики. Вып. 7: Типология перфекта / Отв. ред. Т. А. Майсак, В. А. Плунгян, Кс. П. Семёнова. СПб., 2016. С. 7–20.
- Семереньи 1980 — *Семереньи О.* Введение в сравнительное языкознание. М., 1980.
- Срезн. — *Срезневский И. И.* Материалы для Словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. I–III. СПб., 1893–1903.
- ССС — Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) / Под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. М., 1999.
- Страхова 2011 — *Страхова О. Б.* Аугментный имперфект и две нормы: новый взгляд в свете статистических данных // *Palaeoslavica*. 2011. XIX (2). С. 240–293.
- Фасмер — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. I–IV. М., 1986–1987.
- Friedman 1986 — *Friedman V. A.* Evidentiality in the Balkans: Bulgarian, Macedonian, and Albanian // EVIDENTIALLY: The Linguistic Coding of Epistemology / W. Chafe, J. Nikols (ed.). Norwood, New Jersey. Pp. 68–87.
- Fortuin, Kamphuis 2015 — *Fortuin E., Kamphuis J.* The Typology of Slavic aspect: a review of the East-West Theory of Slavic aspect // *Russian Linguistics*. 2015. DOI 10.1007/s11185-015-9144-7. This article is published with open access at Springerlink.com.
- Koch 1990 — *Koch C.* Das morphologische System des altkirchenslavischen Verbums. München, 1990. (Münchener Universitäts-Schriften. Reihe der Philosophischen Fakultät, 22/1).
- Kuryłowicz 1964 — *Kuryłowicz J.* The inflectional categories of Indo-European. Heidelberg, 1964.

- Lindstedt 2000 — *Lindstedt J.* The Perfect — aspectual, temporal and evidential // Tense and Aspect in the Language of Europe/ Ed. by Östen Dahl. Berlin; New York, 2000. P. 365–383.
- SJS — Slovník jazyka staroslověnského. T. I–IV. Praha, 1956–1997.
- van Schooneveld 1959 — *van Schooneveld C. H.* Semantic Analysis of the Old Russian Finite Preterite System. s-Gravenhage, 1959.
- Večerka 1993 — *Večerka R.* Altkirchenslavische (Altbulgarische) Syntax. Vol. II: Die innere Satzstruktur. Freiburg, 1993.
- Vondrák 1912 — *Vondrák W.* Altkirchenslavische Grammatik. Berlin, 1912.
- Zholobov 2014 — *Zholobov O.* On reflexes of ti- and t-forms of verbs in Ancient Russian // Russian Linguistics. 2014. Vol. 38. № 1. P. 121–163.
- Zholobov 2016 — *Zholobov O.* Synthetic Indicative in Cyril and Methodius' sources (to the Paroemiarion Zacharianum of 1271 internet-edition) // Russian Linguistics. 2016. 40 (2). P. 153–172.
- Žolobov 2016 — *Žolobov O.* Present tense forms variability in the Paroemiarion Zacharianum d. 1271 (to the parchment internet-edition) // Zeitschrift für Slawistik. 2016. 61 (2). S. 305–321.